

Ася
БЕДНАЯ

Ася Бедная

Директор и диверсант Юля

«Литнет»

2026

Бедная А.

Директор и диверсант Юля / А. Бедная — «Литнет», 2026

Что делать, если на твоей стройке бульдозер угнала семилетняя девочка? А если у неё совсем никого нет? А если через час у тебя видеоконференция с японскими инвесторами? Марк Сомов – суровый владелец строительной компании – всегда знал ответы. До сегодняшнего дня. Теперь ему приходится на ходу придумывать, почему во время переговоров в его кабинете внезапно включается дискотека, и как «юный консультант по качеству среды» (он же – диверсант в лягушачьих сапогах) улучшит проект жилого комплекса. Этот случайный ребёнок – худшее, что могло случиться с его графиками, нервами и стерильным офисом. И, кажется, единственное, что может спасти его давно забетонированное сердце. *****♥#ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ! ПРЕДЛАГАЮ ЛЕГКУЮ КОМЕДИЮ ПРО ДЕВОЧКУ И СУРОВОГО, НО НАСТОЯЩЕГО МУЖЧИНУ! ПОСМОТРИТЕ, КАК ЗА КОРОТКИЙ СРОК МОГУТ ИЗМЕНИТЬСЯ ЖИЗНИ ГЕРОЕВ! ВНИМАНИЕ! ВЫКЛАДКА ГЛАВ КАЖДОЕ НЕЧЕТНОЕ ЧИСЛО МЕСЯЦА!

© Бедная А., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1. Марк	5
Глава 2. Марк	8
Глава 3. Марк	11
Глава 4. Марк	14
Глава 5. Алиса	16
Глава 6. Марк	19
Глава 7. Алиса	22
Глава 8. Марк	24
Глава 9. Марк	27
Глава 10. Марк	29
Глава 11. Марк	31
Глава 12. Марк	33
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Глава 1. Марк

Десять утра. Я въезжаю на «Форпост» через проходную, киваю охраннику Валерьевичу. Он отдает честь – смешная привычка с армейских времен. Моя «Тойота» знакома здесь каждому кирпичу. Купил ее пять лет назад, когда подписал первый серьезный муниципальный контракт. Не иномарка для понта, а инструмент. Как и все здесь.

«Сомов-Девелопмент».

Название простое, как угол здания. Никаких «групп» и «холдингов». Я, Марк Сомов, сорок лет. Руки знают вес кирпича и шероховатость арматуры, спина помнит, как гнуть ее целый день. Сейчас эти руки подписывают сметы, а спина болит от долгого сидения в кресле, но я все равно приезжаю сюда каждый день. В офисах пахнет бумагой и кофе. Здесь – правдой. Пылью, соляжкой, потом.

«Форпост».

Мой третий самостоятельный проект. Не элитка, не «апартаменты с консьержем». Четыре этажки, детсад, парковка. Для таких, как я двадцать лет назад. Молодых семей, работяг, которым нужна просто нормальная крыша над головой. Крепкая, теплая, без дураков. Строю честно – сам прошел через все этапы от разнорабочего до прораба, знаю каждую возможность схимить, сэкономить на бетоне, на арматуре. Не позволяю.

Сегодня проблема – балконы в третьем доме. Подрядчик по остеклению, хитрый как лиса Савельев, опять вешает лапшу. Говорит, профиль задержали на таможне. А я знаю – он параллельно берет объект покрупнее и мои «Форпосты» для него теперь вторичка. Я иду по территории, ногами вбиваю в грунт раздражение. Сапоги – хорошие, горные, сносу нет. Купил, когда еще сам в бригаде ходил. До сих пор ношу. Петрович, мой прораб, седой как лунь, но крепкий как дуб, уже идет навстречу, лицо – маска виноватой готовности к разносу.

- Марк Аркадьевич, машина в пробке, вот отслеживаю...

- Не отслеживай, - обрываю я, даже не глядя на его планшет. – Где график смен? Где люди? У меня через неделю приемка цокольного этажа, а у тебя стекла даже в рамы не вставлены.

Голос у меня не громкий. Он тихий, ровный, и от этого Петровичу, кажется, еще хуже. Он начинает что-то бормотать про логистику, а я вполуха слушаю. Я слушаю стройку.

Звуки «Форпоста» - мой саундтрек. Привычный, рабочий. Ровный гул генератора, где-то далеко стучит отбойный молоток, ритмично поскрипывает лебедка. Металлический лязг, шуршание песка в бетономешалке. Это звук порядка. Звук дела, которое движется.

И вдруг – сбой.

Сначала наступает неестественная пауза. Как будто пластинку дернули. Молоток смолк на полтакта. И в эту тишину врывается новый звук. Не строительный.

Аварийный.

Скрип, переходящий в визг рвущегося металла. Глухой, тяжелый удар.

Адреналин бьет в виски раньше, чем я понимаю, что происходит.

Инстинкт. Не глаза, а именно слух кричит: ЧП. Ущерб. Травма. Прокуратура.

Я обрываю Петровича на полуслове, головой поворачиваюсь на звук. В дальнем углу площадки, у штабелей песка и щебня, стоит старенький желтый бульдозер «Беларусь». Рабочая лошадка, расчищает подъезды. Он должен стоять. Но он не стоит.

Он дергается. Корма его пляшет, гусеница с сухим скрежетом проворачивается, наезжает на кучу битого кирпича. А ковш... Ковш, черный от земли и ржавчины, задрался неестественно высоко и цепляется за секцию временного забора из профнастила. Синий лист выгибается с жутким треском, швы выламывает, как консервную банку.

В кабине... в кабине мелькает не оранжевая каска, а что-то маленькое и розовое.

Сердце падает в сапоги. Холодеет все внутри.

Ребенок.

На моей стройке.

В кабине тяжелой техники.

Мысли отключаются. Остается только тело, накачанное годами физического труда и стресса. Я уже бегу. Не бегу – лечу. Пиджак, который Аня, моя секретарша, вечно уговаривает сменить на что-то менее «рабочее», хлопает по воздуху. Я срезаю путь через только что залитую бетоном площадку будущего детсада, не глядя на крики прорабов. Грязь с подошв тяжелеет с каждым шагом.

Бульдозер, рыча, делает еще один пьяный рывок вперед. От забора отрывается целый лист, он падает с грохотом. Еще секунда – и он развернется, пойдет на штабель плит. Или на людей.

Я настигаю его сбоку. Запрыгиваю на гусеницу. Железо холодное и скользкое под ладонями. Тянусь к ручке двери кабины. Она не заперта. Рывок – и дверь открывается с визгом.

Внутри – запах махорки, старого пластика и... жевательного мармелада.

На водительском сиденье, обернутом потрепанной телогрейкой, сидит она. Совсем кроха. Ноги в сапогах в виде зеленых лягушек с выпученными глазами не достают до педалей. Вместо этого она вцепилась в огромный черный рычаг управления отвалом обеими руками и тянет его на себя со всей силы, упираясь лягушачьей ногой в панель. На ней розовая кофта с потускневшим от грязи единорогом. Один хвостик растрепался полностью, волосы липнут к вспотевшему виску. Лицо – комок сосредоточенного усилия. Язык высунут.

- СТОП! – мой крик в тесной кабине звучит, как взрыв.

Она вздрагивает, оборачивается.

Глаза. Огромные, серые, как мокрый асфальт. В них нет страха. Нет. Есть дикое, животное любопытство и... обида. Как будто я отвлек ее от самого важного дела в мире.

- Я строю замок, - говорит она четко, перекрывая остаточный гул двигателя. – Мне нужен песок. А этот... трактор его стережет. Я его отвлекаю.

У меня в голове бешено стучит: «трактор стережет песок». Это детская логика, абсурдная и железная. Но сейчас не до логики. Я вижу, как ее маленькая рука тянется к другой рукоятке.

Действую на автомате. Резко наклоняюсь, одной рукой хватаю ее за капюшон – ткань скользкая, в руке выскальзывает – и прижимаю к себе, отрывая от сиденья.

Другой рукой шарю по грязной панели, нахожу знакомый по форме рычаг подачи топлива и дергаю его на себя.

Двигатель взывает на последнем вдохе и глохнет.

Наступает оглушительная тишина. Слышно только мое тяжелое дыхание и ее частое сопенье где-то у меня под мышкой.

Вылезаю из кабины, спрыгиваю на землю, ставлю ее перед собой. Она едва мне до пояса. Весь мой сорокалетний путь – унижения прораба, ночные смены, тонны выпитого цементного праха, банковские залоги, этот чертов Савельев с его вечными отговорками – все это вскипает во мне одной чудовищной волной бешенства. Бешенства за риск, за испорченное оборудование, за сорванный график, за этот дикий, неконтролируемый хаос, ворвавшийся в мой выверенный мир.

- ТЫ ЧТО, СОВСЕМ БЕЗ МОЗГОВ?! – реву я, и мой голос, низкий и хриплый, раскатывается по всей площадке так, что рабочие замерли, как вкопанные. – ЭТО ТЕБЕ НЕ ИГРУШКИ! ТЫ МОГЛА СЕБЕ ВСЕ СЛОМАТЬ! КОСТИ ПООБЛОМАТЬ! ИЛИ КОГО-НИБУДЬ ЗАДАВИТЬ! ТЫ ПОНИМАЕШЬ, ЧТО ТВОРИШЬ?! ГДЕ ТВОИ РОДИТЕЛИ?! КАКОЙ ИДИОТ ТЕБЯ СЮДА ПРИВЕЛ?!

Она смотрит на меня снизу вверх. Не плачет. Ее губы плотно сжаты, нижняя чуть-чуть дрожит. В глазах – не слезы, а какое-то дикое, оскорбленное непонимание. Как будто я говорю на непонятном языке.

- Я... я же аккуратна, - выдает она, и голосок ее, тоненький и чистый, тоже дрожит, но от гнева, а не от страха. – Я просто хотела немного песка... Для крепости. Вы... вы злой дядя.

- МОЛЧАТЬ! – кричу я, не в силах остановиться, а от страха, от ярости трясутся руки. – Я тебя спрашиваю, где мать?! Где?!

Я делаю шаг к ней, и в этот момент сзади железной хваткой хватают меня за локоть. Петрович. Его лицо землисто-серое. Он тянет меня назад, на полшага, и подается ко мне ближе. Запах махорки и пота резко бьет в нос.

- Марк Аркадьевич... - он шипит так, что слюна брызжет. – Тихо ты. Тшшш-ш-ш... Оглянись.

Он не говорит, он вымучивает звук. Его глаза, выцветшие, как старые пуговицы, бешено бегают от моего лица к девочке и обратно. Он качает головой, едва заметно, но очень настойчиво.

- Она же... деть. Малявка. На нее так... нельзя. Люди смотрят.

Я замираю. Оцепенело поворачиваю голову. Вижу замерших каменщиков с палками арматуры в руках. Вижу водителя бетоносмесителя, высунувшегося из окна кабины. Вижу, как на верхних этажах третьего дома застыли в проемах остекленщики. Все смотрят. На меня. На орущего, трясущегося от гнева мужика, который стоит над щуплой девочкой в лягушачьих сапогах.

Я смотрю на нее. Вижу сажу на ее носу. Вижу, как она, стиснув кулачки, пытается быть храброй. Как ее маленькая грудь быстро-быстро дышит.

И я вдруг, со всей отчетливостью, понимаю, что только что наорал на ребенка. Не на хама-подрядчика. Не на ленивого работягу.

На ребенка.

Пустота. Полная, оглушающая пустота внутри. Гнев схлынул, оставив после себя только леденящее осознание полного провала. Я знаю, что делать с кризисами на объекте. Я знаю, что делать с сорвавшимися сроками. Я знаю, что делать с банками и чиновниками.

Но я не знаю, что делать с этой семилетней диверсанткой, которая смотрит на меня, как на злого великана из мультика.

И самое ужасное – я понимаю, что теперь это моя проблема. Потому что она на моей стройке. И потому что вокруг двадцать пар глаз, которые уже, наверное, достали телефоны.

Петрович тихо, как бы невзначай, прикрывает собой девочку от всеобщего взгляда, наклоняется к ней и говорит уже другим, сиплым, но мягким голосом:

- Ну, чего уставилась, зайка? Как тебя звать-то?

Но она не отвечает. Она смотрит только на меня.

Глава 2. Марк

Тишина после скандала кажется густой, как невысохший бетон. Я стою, чувствуя себя полным идиотом, и наблюдаю, как мои суровые мужики превращаются в этих неуклюжих нянек. Петрович, присев на корточки (колени хрустнули так, что аж мне стало неловко), пытается говорить с девочкой голосом, которым, наверное, в последний раз пользовался лет сорок назад, обращаясь к новорожденному внуку.

- Как звать-то, птаха? – сипит он, и его выцветшие глаза становятся какими-то... влажными.

- Юля, - слышу я четкий, без тени смущения ответ.

- А мама где? Наверное, ищет тебя? – уже подключается Семеныч, опускаясь рядом на одно колено.

Со стороны это выглядело бы смешно: огромный детина с усами, похожими на два ершики для мытья бутылок, и кроха в розовом.

Юля молчит секунду, потом пожимает плечами, играя грязным краем кофты.

- Мамы нет.

Мои мужики переглядываются. Петрович кашляет.

- Ну как нет... Папа, значит?

- Папы нет, - Юля говорит это так же просто, как если бы сообщала, что на небе нет облаков.

Во мне что-то холодеет. Адреналин давно ушел, и это холодное чувство пробирается глубже – туда, где живут старые, плохо зажившие шрамы.

- Бабушка? Дедушка? – уже почти шепотом спрашивает Семеныч, и в его голосе слышится неподдельное беспокойство.

Юля смотрит на него, и в ее огромных глазах читается какое-то детское недоумение: почему эти большие дяди задают такие странные вопросы?

- Я одна живу, - заявляет она, наконец, и в ее тоне слышится даже гордость, как у первооткрывателя. – Я сама себе хозяйка. Только тетя Валя иногда приходит, еду приносит. Но она сейчас в телефоне сидит, наверное.

Я отвожу взгляд. Проходит пять минут. Десять. Пятнадцать. Никто не бежит. Никто не зовет. Тишина за забором – обычная, будничная, равнодушная. Ее слова «я одна живу» начинают пугать меня не как владельца стройки, а как... человека.

Последние десять лет я строил дома для семей. А тут, прямо на моей стройке, оказалось... это. Одиночество в розовых сапогах.

Гнев испарился. Осталось тяжелое, неудобное, до тошноты знакомое чувство. Я подхожу. Петрович и Семеныч, увидев мое лицо, поспешно отступают, делая вид, что им срочно нужно проверить крепление лесов или уровень мироздания.

Остаемся я и Юля.

Она ужн сидит на перевернутом ведре, болтая ногами, и рисует пальцем в пыли на бетонной плите что-то сложное, похожее на чертеж подземного города.

- Юля, - говорю не крикливым, а уже приглушенным голосом, будто мы в библиотеке, - ты серьезно? Никого?

Она поднимает на меня глаза. Небо в ее зрачках сегодня хмурое, серое.

- Ну да. Никого. Я же сказала.

- А... а кто о тебе заботится? Кто тебя... кормит?

- Я сама! – в ее голосе снова вспыхивает гордость. – Я умею разогревать суп в микроволновке. И кашу. И яблоки мыть. А еще у меня есть ключ на веревочке. Я его никому не показываю, - она хватается за шею, где под кофтой действительно угадывается какой-то шнурок.

Ее «самостоятельность» бьет меня в солнечное сплетение с силой отбойного молотка. Я сам... В четырнадцать остался один. Родителей не стало в одночасье. Детдом. Но мне было четырнадцать! А ей... семь. Максимум.

- Где ты живешь? – спрашиваю я, и сам слышу, как это звучит: не «с кем», а «где».

- Там, - она махнула рукой в сторону ближайшей пятиэтажки, того самого старого фонда, который мой «Форпост» должен был потихоньку заменить. – У нас комната. Там ковер с оленями. И форточка дребезжит.

В голове у меня начинается паника. Тихая, холодная. Я не соцработник. Я не психолог. Я строю дома. Но я не могу просто посадить ее на это ведро и уехать. Потому что «я одна живу». Потому что ключ на веревочке. Потому что я знаю, каково это – быть тем, кого никто не ищет.

И тут мой телефон, лежавший в кармане пиджака, начинает вибрировать, издавая деловой, настойчивый трель. Я смотрю на экран. «Совещание. Инвесторы (Токио) – 11:00».

Черт. Черт!

Совсем вылетело из головы.

Мысли мечутся. Соцслужбы? Полиция? Это означает бумаги, вопросы, время. Много времени. А у меня через час японцы на линии. Они ждут презентации по «Форпосту-2». Они не будут слушать про потерявшихся детей. Их мир состоит из цифр, графиков окупаемости и сейсмостойкости фундаментов.

Я смотрю на Юлю. Она уже перестала рисовать и с интересом наблюдает за большим краном, который медленно поворачивает стрелу.

Принимаю решение. Глупое, спонтанное, абсолютно против всех моих жизненных принципов.

- Слушай, - говорю я, роя себе яму. – Мне нужно ехать. На работу. В офис. А тебя тут одну оставлять... Нельзя.

Она переводит взгляд с крана на меня, настороженно.

- Поэтому... ты поедешь со мной. Пока что. Потом... потом разберемся.

Ее лицо вдруг озаряется такой радостью, что у меня екает внутри. Она спрыгивает с ведра.

- Правда? На машине? На этой большой? – она уже подбежала к «Тойоте» и прильнула носом к стеклу.

- На этой, - вздыхаю я. – Но есть условия. Сидишь сзади. Не трогаешь кнопки. Не кричишь. И... ведешь себя прилично. Поняла?

- Поняла! – она кивает так энергично, что хвостики хлопают ее по щекам. – Я буду как мышка!

«Как мышка».

Ну да. Только что эта «мышка» угнала бульдозер.

Петрович смотрит на меня, широко раскрыв глаза. Он подходит ближе, шепчет:

- Марк Аркадьевич, вы... это... куда ее? Может, все-таки ментов вызвать?

- Потом, - бурчу я, открывая заднюю дверь. – У меня совещание. А ее... она пока в кабинете посидит. Там хоть безопасно. Никаких бульдозеров.

Я сажаю Юлю на заднее сиденье. Она малюсенькая, ноги в лягушках не достают до пола. Девчушка с восторгом гладит кожаную обивку. Я закрываю дверь, обхожу машину. Руки слегка дрожат.

Что я делаю?

Я везу в офис, на встречу с японскими инвесторами. Ребенка, который только что сообщил мне, что он – сирота. Я должен был вызвать полицию. Но я не могу. Не сейчас. Не после ее слов.

Сажусь за руль, завожу двигатель. В зеркало заднего вида вижу ее счастливое, улыбающееся лицо, прижатое к стеклу. Она машет Петровичу. Для нее это приключение. Поездка на большой машине.

А у меня в груди – тяжелый, холодный камень. Знакомый камень. Я смотрю на ее отражение и вижу не маленькую диверсантку. Я вижу того самого четырнадцатилетнего пацана в стоптанных кроссовках, который стоит на пороге детдома с одним рюкзаком и понимает, что за ним теперь никто не придет.

Никогда.

И тихо, про себя, говорю: «Ладно, командир. Пока что – ты под моей ответственностью».

Она не слышит. Она уже увлеченно тычет пальцем в стекло, показывая мне какую-то собаку на обочине. А я уже понимаю, что этот день пошел под откос не тогда, когда она завела бульдозер, а прямо сейчас. Потому что я впустил в свою выверенную, контролируемую жизнь тот самый хаос и ту самую боль, от которых бежал больше двадцати лет. И почему-то мне кажется, что назад дороги уже нет.

Глава 3. Марк

Мой офис – это не стеклянная башня в центре. Это третий этаж реконструированного склада на промзоне. Стеллажи убрали, залили полированный бетонный пол, поставили перегородки из черного металла и стекла. Стиль называется «лофт». Я называю это «дешево, практично и не отвлекает».

Мой кабинет – бывшая мастерская начальника, самая большая комната, с панорамным окном во всю стену, выходящим не на город, а на такую же промзону, крыши ангаров и трубы. Мне нравится этот вид. Он честный.

Ввожу Юлю внутрь. Она замирает на пороге, выпустив мою руку, которую держала всю дорогу от машины (и, кстати, не отпускала, пока мы шли через парковку).

- Вау, - говорит она, и это «вау» звучит не как детский восторг, а как оценка специалиста. – Тут так... пусто.

«Пусто» - это ее высшая похвала для помещения, где нет игрушек. Я снимаю пиджак, вешаю на спинку кресла.

- Садись вот тут, - указываю на большой кожаный диван у стены.

Он черный, угловатый, неудобный для лежания. Купил, потому что смотрелся солидно.

- Сиди. Не бегай. Не трогай.

- А что это? – она уже не слушает меня, подбежав к стеллажу с образцами.

Там лежат куски отделочных материалов: срезы мрамора, плитка, ламинат, образцы штукатурки.

- Работа, - бурчу я, включая компьютер, и на мониторе загорается чертеж «Форпоста-2».

- Не трогай.

Она уже трогает.

Проводит пальцем по полированной поверхности черного гранита.

- Холодный! – шепчет себе под нос с удивлением, а потом трогает кусок рельефной декоративной штукатурки «под кору». – Колючий! А это что?

- Плитка под кирпич, - автоматически отвечаю я, открывая презентацию.

- А зачем под кирпич, если есть настоящий кирпич? – ее логика безжалостна.

- Потому что... - я отрываюсь от экрана, пытаюсь найти простой ответ. – Потому что он легче. И дешевле.

- О, - кивает она, как будто этот аргумент ее полностью убедил. – Понятно. Значит, вы обманываете людей?

У меня в голове на секунду возникает образ японских инвесторов, склонившихся над образцом этой самой плитки. Я отгоняю его.

- Нет. Мы им выбор предоставляем. Садись на диван, Юля. Сейчас у меня важный разговор.

Она послушно плетется к дивану, забирается на него. Ноги в лягушачьих сапогах снова не достают до пола. Она сидит, выпрямив спину, положив руки на колени, как на уроке в школе. Выглядит неестественно смиренно. И поэтому – подозрительно.

Я начинаю настраивать программу для видеозвонка. Проверяю камеру, микрофон, свет. На фоне у меня стена с дипломом и черно-белой фотографией «Форпоста-1» на этапе котлована. Все строго. Профессионально.

- Марк? – раздается тихий голос с дивана.

- М-м? – не отрываюсь от экрана, выбирая правильный ракурс.

- А у тебя тут можно рисовать?

Я оборачиваюсь. Она сидит в той же позе, только в руках у нее оказался мой стикер-блок для заметок и черная гелевая ручка, которую она каким-то образом сняла со стола.

- Что? Нет. То есть... можно, но только на бумаге. И только на той, что я дам.
- А эту можно? – она показывает на стикер, уже чиркая им по ладони.
- Да, - вздыхаю я. – Эту можно. Рисуи.

Возвращаюсь к настройкам. Тишина. Слава богу. Через пять минут звонок. Мне нужно собраться с мыслями, вспомнить ключевые цифры...

- Марк?
- Что, Юля?
- А у тебя есть бумага... с цветочками?

Я закрываю глаза. Мой стол завален технической документацией, сметами, чертежами формата А2.

- Нет. Только белая. И желтые стикеры.
- Желтая не годится, - заявляет она с уверенностью дизайнера. – На желтой фломастеры тусклые выглядят. Ладно, - смиренно вздыхает она. – Буду на белой. Только она у тебя какая-то серая.

Это правда. Бумага для принтера, дешевая. Я молчу. Концентрируюсь.

- Марк, смотри! - слышу я.

Я оборачиваюсь. Она встала на диван и прижала к груди огромную папку с проектом «Форпост-2», которую сняла с нижней полки. Папка почти ее ростом.

- Я как ты! – объявляет она и пытается принять серьезное выражение лица, отчего ее нос сморщивается, а губы вытягиваются в комичную трубочку.

В голове проносится: «О боже, сейчас она уронит папку, все листы разлетятся...»

- Юля, положи на место. Аккуратно. И сядь. Пожалуйста.

Она послушно слезает с дивана, волоча папку по полу. Кладет ее на место, не без усилий. Возвращается на диван. На ее лбу выступают капельки пота от усердия.

- Тяжелая у тебя работа, - констатирует она, запыхавшись.

До звонка три минуты. Я прогоняю в голове вступительную речь. «Добрый день, уважаемые коллеги из «Хакуйдо холдинг». Мы рады представить вам проект жилого комплекса «Форпост-2», который сочетает в себе...»

- Марк?
- Юля, через три минуты у меня звонок. Очень важный. Что?
- А у тебя тут есть... вода? Или сок? Я пить хочу.

Я замираю. Конечно. Ребенок хочет пить. После бульдозера, стресса, дороги. Я такой идиот. В моем кабинете нет ничего, кроме электрического чайника и пачки дорогого, но совершенно несъедобного зеленого чая. Ни печенек, ни сока. Ничего.

- Сейчас, - говорю я, чувствуя приступ паники.

Выскакиваю в общий зал. Мои несколько сотрудников поднимают на меня удивленные глаза.

- Анна! – шиплю я своей секретарше. – Срочно! стакан воды. И... что-нибудь. Для ребенка.

Аня смотрит на меня так, будто я заговорил на санскрите.

- Ре... ребенка?
- Не спрашивай! Воду!

Мчусь обратно в кабинет. Юля сидит на месте. Начинаю рыться в ящиках стола. Нахожу старую упаковку леденцов от кашля, вскрытую, с двумя остатками. Выглядят они непрезентабельно.

- Вот, - протягиваю я ей леденец. – Сосательная конфета. И сейчас принесут воду.
- Она берет леденец, изучает. Потом смотрит на меня.
- А где тут обертка? Он голый.
- Он... специальный. Лекарственный.

- А он вкусный?

- Не знаю. Попробуй.

Она осторожно кладет леденец в рот. Ее лицо искажает гримаса.

- Фу! Он травой пахнет!

- Не выплевывай! – почти кричу я. В этот момент в дверь осторожно стучит Аня и заносит стакан воды и... яблоко.

Спасибо, Аня.

Юля набирает в рот воды, чтобы запить вкус «травы». Я с облегчением поворачиваюсь к компьютеру. Одна минута до звонка.

Я делаю глубокий вдох. Сажусь ровно. Поправляю камеру. Смотрю в объектив своим самым деловым, уверенным взглядом. «Добрый день, уважаемые коллеги...»

- Марк?

Я не оборачиваюсь. Говорю сквозь зубы:

- Да, Юля. Последний вопрос.

- А я буду как мышка. Я уже тренируюсь. Смотри.

Я все-таки бросаю взгляд. Она съежилась в уголке дивана, поджала ноги, руки сложила под щекой. Изображает спящую мышь. Выглядит... на удивление смирно.

И в этот момент на экране появляется уведомление о входящем звонке. Сердце екает.

- Все, Юля. Тишина. Полная. Абсолютная. Ни звука. Ты поняла? Это очень-очень важно.

Она, не меняя позы «мышки», смотрит на меня своими огромными глазами и очень серьезно кивает. Молча.

Я принимаю вызов. На экране возникают три вежливых, невозмутимых лица в идеально белых рубашках на фоне небоскреба в Токио.

- Коннитива, Сомов-сан, - говорит старший из них. – Готовы начать?

Я делаю еще один вдох, выдыхаю и включаю свою профессиональную улыбку. Сейчас все будет хорошо. У меня под контролем и проект, и... маленький, непредсказуемый «актив» на черном диване.

- Коннитива, - отвечаю я, и мой голос звучит спокойно и твердо. – Да, конечно. Рад вас видеть. Приступаем.

И краем глаза я вижу, как Юля, не шелохнувшись, медленно-медленно жмурит один глаз в мою сторону. Мол, я все помню. Я – мышка.

Начинается презентация. Первые две минуты проходят в идеальной тишине. И я начинаю надеяться. Но зря...

Глава 4. Марк

Презентация шла как по маслу. Я чувствовал себя капитаном корабля, ведущего свой «Форпост-2» сквозь финансовые течения. Японцы – господа Танака, Сузуки и молодая, но невероятно острая на язык госпожа Кобаяши – слушали внимательно, кивали. Я дошел до самой сочной части: рентабельности и уникального инфраструктурного плана.

«...и именно интеграция социальных пространств, таких как коворкинг для молодых мам и инклюзивные детские площадки, станет нашим ключевым конкурентным...»

В этот момент с дивана донеслось тихое, но отчетливое: «Щелк».

Я проигнорировал. Продолжил.

«...преимуществом, что, по нашим исследованиям, повышает лояльность целевой аудитории на...»

Щелк. Шур-шур-шур.

Господин Сузуки слегка наклонил голову, будто прислушиваясь к странному звуку. Я ускорил темп.

«...на семнадцать процентов, что в перспективе пяти лет...»

И тут мир в моем кабинете взорвался.

БАМ-БАМ-БАМ-БАМ!

Оглушительные басы, от которых задрожал стеклянный стол, вырвались из встроенных в потолок колонок. Мерцающая, ядовито-розовая подсветка, которую я однажды поставил на корпоратив и забыл выключить из общей системы «умный офис», залила комнату пульсирующим светом. Белый светодиодный шнур над моим диваном завизжал сиреной и начал мигать в такт музыке.

На экране три японских лица застыли в идеальных масках вежливого, но крайнего недоумения. Госпожа Кобаяши приподняла изящную бровь.

Я рванул к пульту управления на стене, но Юля оказалась проворнее. Она уже стояла на диване, в руке – тот самый черный пульт от «умного дома», который она, видимо, откопала между подушками. На ее лице был восторг первооткрывателя.

– Смотри, Марк! – закричала она, перекрывая техно-ритм. – Я нашла музыку! Тут есть «вечеринка»!

– Выключи! – прошипел я, но было поздно.

Я повернулся к экрану. Три пары глаз смотрели на меня из-за океана. Мой мозг, привыкший решать проблемы с бетоном и арматурой, выдал быстро спасительную, но безумную ложь.

Я выдавил улыбку шире обычного.

– А-ха-ха, – неестественно рассмеялся я, – извините за небольшой... технический эксперимент! Это, коллеги, часть того самого социального проекта, о котором я говорил! Мы тестируем интерактивные форматы для... э-э... вовлечения юной аудитории в процесс создания комфортной среды! Дети – наши главные критики!

Я жестом, полным мнимой непринужденности, вырвал пульт из рук Юли (она смотрела на меня с обидой) и нажал кнопку «Выкл». Музыка и свет отключились, оставив после себя звенящую тишину и розовые круги перед глазами.

На экране господин Танака медленно кивнул.

– Очень... нестандартный подход, Сомов-сан, – сказал он, и его голос был полон такого глубокого смысла, что я почувствовал, как краснею. – В Японии мы тоже уделяем большое внимание мнению следующего поколения. Это... смело.

– Да, смелость – наш принцип, – тут же подхватил я, чувствуя, как проваливаюсь в яму все глубже. – Мы считаем, что современный девелопер должен думать не только о квадратных метрах, но и об эмоциях будущих жителей. С самого... с самого нежного возраста.

Я бросил взгляд на Юлю. Она снова съежилась в уголке дивана, на этот раз по-настоящему виноватая.

Госпожа Кобаяши улыбнулась – тонко, как лезвие.

– Этот... юный консультант. Он будет участвовать во всех этапах проекта?

Мой внутренний голос орал: «НЕТ!». Мой внешний, преданный мне всеми фибрами души, сказал:

– Разумеется. В формате фокус-групп и... полевых исследований. Мы уже получили ценнейшие данные по, эм, эргономике песочниц и акустическому комфорту в зонах отдыха.

Переговоры, к моему глубочайшему удивлению, не провалились. Они даже стали живее. Японцы, кажется, восприняли все как эксцентричную, но потенциально гениальную маркетинговую стратегию «рустикального Запада». Они задавали вопросы о «методиках вовлечения», и мне приходилось на ходу сочинять термины вроде «игрового урбанистического тестирования». Юля за все это время не пикнула.

Когда экран наконец погас, я откинулся в кресле и закрыл лицо ладонями. Тишина в кабинете была теперь громовой.

– Марк? – послышался робкий голосок.

– Молчи, – простонал я. – Просто помолчи минуту.

Но мысли уже неслись вихрем. Легенда была запущена. И не просто легенда – она понравилась клиенту. Теперь они будут ждать отчетов, фотографий, «кейсов». Какого черта? Я выдержал паузу, поднял голову. Юля смотрела на меня, ожидая гнева.

Но гнева не было. Была абсолютная, сюрреалистическая усталость. И осознание тупика.

– Юля, – сказал я тихо. – Ты только что стала официальным «юным консультантом по качеству среды» в моей компании. Поздравляю. Оклад – одно мороженое в день. Премия – за отсутствие дискотек во время переговоров.

Она не поняла шутки. Она поняла только, что ее не ругают.

– Значит, я могу еще с тобой работать? – спросила она, и в ее глазах блеснула надежда. «Работать».

Сидеть в моем кабинете, рыться в образцах, включать розовый свет. Я посмотрел на ее запачканную кофту, на серьезное личико. На пульт, который она снова держала в руках, но теперь осторожно, как артефакт.

– До тех пор, пока мы не найдем твою маму, – ответил я, и это прозвучало как приговор самому себе. – А пока... пока ты находишься под моей... профессиональной опекой.

Я встал, подошел к окну. За ним была промзона, крыши, трубы. Мой простой, понятный мир из бетона и графиков. В него только что ворвался и поселился маленький, непредсказуемый человечек, который не знал правил. И что хуже всего – я сам, своими же словами, дал ему законный статус.

Легенду придется поддерживать. Хотя бы до завтра. А завтра... завтра нужно будет найти эту самую «тетю Валю» и выяснить, что же на самом деле происходит. Но прямо сейчас мне нужно было решить вопрос куда более насущный.

Я обернулся.

– Юля, а что ты обычно ешь на обед?

Она задумалась.

– Иногда суп. Иногда сосиски. А можно яблоко? То, которое тетя принесла?

Я посмотрел на одинокое яблоко на столе. Обед юного консультанта. Дело принимало совсем уж неожиданный оборот. Мне, Марку Сомову, предстояло теперь не только строить дома и вести переговоры, но и решать вопросы детского меню. И какого черта, я вдруг почувствовал, что это... не так уж и невыносимо. Просто очень, очень странно.

Глава 5. Алиса

У моей жизни девиз: «Главное – не думать». Как только начинаю думать – хочется плакать, орать или бить посуду. А посуду жалко, она чужая, в съемной комнате.

Мне двадцать шесть. Иногда в зеркало смотрю и не верю – вроде лицо еще молодое, а в глазах... В глазах будто я уже все сто. Нет, не на все сто. Будто сто лет тащу на себе этот воз. Себя и Юльку.

Все началось с шести лет. Родителей не помню. Только смутный запах духов мамы и царапину от папиной щетины на щеке. Потом – интернат. Не детский дом из сериалов, а так, казенный дом, где главное правило – не высовывайся и будь как все. Я и была. Как все. Серенькая, тихая, мечтавшая, чтобы ее просто не трогали.

В восемнадцать – свобода. Казалось, вот он, шанс. Поступила на флориста. Люблю цветы. Они немые, они не предадут. На втором курсе встретила Степана. Глаза, как у барса, говорил, что я – его солнышко. Через полгода узнала, что беременна. А Степан... Степан оказался солнечным зайчиком. Исчез, когда на него посветили слишком прямо. Сказал: «Ты же понимаешь, Ал, я не готов к такому».

Я поняла. До сих пор понимаю. Козел.

Родила в девятнадцать. Юлька. Единственное светлое, неслучайное дело в моей жизни. Но училище пришлось бросить. Работать. Работать, работать, работать. Продавцом, официанткой, расклейщицей объявлений. Юлю кидала на всех, кто соглашался посидеть: на соседок-пенсионеров, на таких же одиноких мамаш, как я, на случайных знакомых. Страшно было. До дрожи. Но куда деваться?

Сейчас мы снимаем комнату в двушке рядом со стройкой какого-то нового комплекса. Комнату, Карл! Вместе с нами живет Валя, студентка-неформалка двадцати лет. У нее волосы цвета баклажана и уверенность, что мир – это одна большая тусовка. Она согласилась посидеть с Юлей за еду и символические деньги. Ненадежно? Еще как. Но других вариантов нет. Юле осенью в школу, а мне нужно ее собрать. Школьную форму, рюкзак, тетради... Цифры в голове складываются в сумму, от которой мурашки по спине.

Детский сад был спасением. Пока я работала в магазине одежды продавцом, Юля была пристроена. Но магазин закрыли, а из садика нас... выпустили. С почетной грамотой и кучей проблем. Теперь июнь, дождливый и противный, а у меня нет ни работы, ни постоянной няни.

Сегодня я на подработке. Подменяю горничную в хостеле «Уют» в пяти остановках от дома. Владелец, дядя Женя, мужчина лет пятидесяти с хитрыми глазками-щелочками, давно мне намекает: «Мол, поработай тут немного, присмотримся, и может, на администратора возьмем. График стабильный, оклад». Я и рвусь изо всех сил. Мою так, что полы сияют, как зеркало. Расставляю все по линейке. Мечтаю об этом окладе. О том, что смогу спокойно купить Юле те самые туфли на праздник осени, которые она увидела в витрине.

Работаю я уже часов пять. Спина ноет, в ведре третья вода, а в коридоре, как назло, вечно кто-то есть. Вот и сейчас, вылезаю из комнаты «три» с мокрой тряпкой, а в коридоре прислонился к стене парень. Лет двадцати пяти, в дорогих трениках и с самодовольной ухмылкой.

- О, а вот и наша фея чистоты, - говорит он, загораживая дорогу. – Скучно тут. Не хочешь... развеять мое одиночество? Я номер с видом на парковку снял.

Я пытаюсь пройти. Он не двигается.

- Извините, у меня работа.

- Работа подождет, - он наклоняется ближе, от него пахнет дорогим одеколоном и глупостью. – Такая симпатичная... и полы моет. Непорядок. Я бы тебя на руках носил.

Внутри у меня что-то щелкает. Усталость, злость, годовое воздержание и понимание, что из-за таких козлов я могу лишиться этой подработки. Я смотрю на него, на его ухмылку, потом на свое ведро. Вода в нем грязная, мыльная, с волосинками и блесткой от чьих-то шорт.

Логика отключается. Срабатывает инстинкт.

Я беру ведро за ручку и с дуру, не раздумывая, выливаю ему прямо на ноги. Точнее, на его белоснежные, наверное, очень дорогие кроссовки.

- Вот, - говорю я ледяным голосом. – Остудился? Теперь можешь идти сушиться.

Он издает звук, среднее между мычанием и воплем, и прыгает на одной ноге. Я проскальзываю мимо, несу ведро в подсобку. Сердце колотится. И смешно, и страшно.

Через полчаса меня вызывает к себе дядя Женья. Его кабинет – бывшая кладовка с кондиционером.

- Алиса, что это было? – начинает он без предисловий. – На тебя жалуются постоялец. Говорит, ты его водой облила.

- Он приставал, - бурчу я, смотря в пол.

- Приставал, не приставал... - дядя Женья разводит руками. – Ты же хочешь стать администратором? Администратор так себя не ведет. Администратор должен улыбаться, быть приветливым, понимаешь? Даже если к нему... ну, немного пристают. Это же работа с людьми!

Во мне закипает.

- То есть, по-вашему, я должна улыбаться, когда мне предлагают «развеять одиночество» в номере? Это входит в обязанности?

- Не перекручивай! – он хлопает ладонью по столу. – Я говорю о выдержке! О профессионализме! За такое поведение я тебе за сегодняшний день даже платить не обязан!

Тут я взрываюсь. Год сдерживаемой злости, беспомощности и страха вырывается наружу.

- А вы обязаны платить за незарегистрированную деятельность? – шиплю я. – И за нарушения санпина в общей кухне? И за то, что у вас половина номеров сдается без договоров? Я тут все за неделю узнала, дядя Женья. Вы мне не заплатите – я вечером же напишу во все инстанции, какие знаю. С фотографиями.

Лицо у него становится фиолетовым. Мы смотрим друг на друга, как два кота перед дракой. В воздухе пахнет войной и старым кондиционером.

- Ты... угрожаешь? – выдавливает он.

- Я информирую, - говорю я, и сама удивляюсь своему спокойствию. – Мои восемь часов работы – мои деньги. Потом я уйду, и вы больше меня не увидите.

Он молча, скрипя зубами, отсчитывает мне деньги из кассового ящика. Сумма скромная, но для меня – ужин и завтрак.

- И чтобы духу твоего тут не было! – бросает он мне вдогонку.

Я выхожу из кабинета, дрожа от адреналина. В маленькой кухне за столом сидит тетя Люда, женщина лет пятидесяти, которая готовит для постояльцев. Она смотрит на меня с грустным пониманием.

- Ушла, значит? – тихо спрашивает она.

Я киваю.

- Он никого никогда не берет на админа, - вздыхает тетя Люда, помешивая суп в огромной кастрюле. – Я уже пятую такую, как ты, вижу. Приводит, говорит «потом возьмем», а сам выжимает, как лимон, за копейки, а потом под предлогом увольняет. Жадина он. Хитрый.

Жесть.

Значит, я не просто неудачница, я еще и лох, который попался на удочку. Обида горит в груди. Собираю свои вещи в рюкзак. Проходя мимо стойки администратора, вижу связку ключей от номеров, которую дядя Женья оставил, видимо, ненадолго отлучившись в туалет.

Идея приходит мгновенно. Злая, детская, но такая сладкая.

Я оглядываюсь. Никого. Беру связку, снимаю с нее все ключи от номеров «люкс» (их три штуки) и... аккуратно кладу их в цветочный горшок с огромным фикусом у входа. Пусть ищет. А потом быстро-быстро, почти бегом, выскальзываю на улицу.

На свежем воздухе меня накрывает волна. Сначала – дикий смех. Прямо на остановке, под морозящим дождем, я смеюсь до слез, представляя, как дядя Женя будет рыться в фикусе. Потом смех сменяется дрожью. А что дальше? Завтра снова поиски. Снова Валя, ветер в голове. Снова Юля, которая ждет маму, которая должна быть сильной.

Я достаю телефон. Батарея на последних процентах. Ни одного пропущенного вызова от Вали. Ну хоть это хорошо. Значит, с Юлей все в порядке.

Наверное.

Еду в автобусе, прижавшись лбом к холодному стеклу. Завтра будет новый день. Новые объявления, новые унижения, новые попытки ухватиться за соломинку. А сегодня... сегодня я хотя бы облила козла грязной водой и спрятала ключи в фикусе. Маленькие победы. Без них в моей жизни было бы совсем жестко. И даже жестоко.

Глава 6. Марк

Мы идем в столовую «Восход». Это не ресторан, а именно столовая, с запахом борща, приглушенным звоном посуды и табличкой «Санитарный день – четверг». Мой мир. Здесь едят мои рабочие после смены, здесь дешево, сытно и без дураков. Юля семенит рядом, ее рука опять в моей. Она не отпускает ее с тех пор, как мы вышли из офиса. Как будто боится, что ее снова посадят на диван и заставят быть мышкой.

- Мы тут будем есть? – спрашивает она, вглядываясь в выцветшую вывеску.

- Да. Здесь самая честная еда в районе. Проверено.

- А что такое «честная еда»?

- Та, которая стоит своих денег и не притворяется тем, чем не является. Как кирпич. Он кирпич и есть.

Она, кажется, понимает. Мы заходим внутрь. Зал полупустой, до обеда еще полчаса. Берем подносы. Я беру борщ, гречку с гуляшом, компот и хлеб. Кладу на поднос Юле куриный суп с вермишелью, картофельное пюре с котлетой и морс. Она смотрит на свою котлету с подозрением.

- А это что?

- Котлета.

- Она на что похожа?

Я смотрю на котлету. Обычная столовая котлета, слегка неправильной формы.

- На котлету, Юля. Она и есть котлета.

- Ну, вот у тети Вали иногда... сосиски бывают круглые. А это как плоская сосиска.

Я решаю не вдаваться в тонкости мясного фарша. Мы садимся за столик у окна. Только я успеваю взять ложку, как слышу знакомый голос:

- Босс! Марк Аркадьевич!

К нашему столику, размахивая планшетом, спешит Костя, мой помощник. Парень лет тридцати, в очках, в вечной рубашке с закатанными по локоть рукавами. Умница, технарь, но вечно немного не в теме, потому что зарывается в цифры и чертежи. Сегодня утром он был на встрече с поставщиками арматуры в другом конце города.

- Костя, присаживайся, - киваю я. – Это Юля. Юля, это Костя. Он у меня... помогает считать стены.

- Привет, - говорит Юля, не отрываясь от изучения своей котлеты.

Она тычет в нее вилкой, как в неизвестный минерал.

Костя садится, ставит планшет, снимает очки и протирает их. Потом смотрит на меня, на Юлю, снова на меня. Его лицо выражает когнитивный диссонанс.

- Марк Аркадьевич, я... простите, я отстал от жизни? У вас... племянница?

- Нет, - говорю я спокойно, начиная есть борщ. – Это наш новый юный консультант по качеству среды. Юля, познакомься.

Юля отрывается от котлеты, смотрит на Костю и важно кивает.

- Я песок тестировала. И музыку включала. Марк сказал, что я хорошо поработала.

Костя медленно надевает очки, словно они помогут ему лучше разглядеть реальность.

- Консультант... Песок... Музыка... - он повторяет, как попугай. – Марк Аркадьевич, а как прошел созвон с «Хакуйдо»? Я как раз хотел спросить. Все хорошо?

Я делаю глоток компота. Сейчас будет весело.

- В целом – да. Прогресс есть. Правда, во время презентации о социальных пространствах у нас... случилось неожиданное тестирование акустики и световых сценариев.

- Какое тестирование? – Костя настораживается.

- Внезапно включилась дискотека, - говорю я, отламывая кусок хлеба. – Розовый стробоскоп, сирена, техно на полную громкость.

Костя бледнеет.

- Боже... сбой в системе «умный офис»? Я же предупреждал, что там нужно обновить...

- Не сбой, - перебиваю я его. – Полевое исследование. Проводила наш консультант. – Я киваю на Юлю.

Она в этот момент пытается разделить котлету на две абсолютно равные половинки, что дается ей с трудом.

Костя смотрит на нее, потом на меня. Молчит секунд десять.

- Вы... вы шутите?

- К сожалению, нет. Пришлось импровизировать. Японцам сказал, что это часть нашего инновационного подхода – вовлекать детей в процесс оценки комфорта через игровые механики. Что мы тестируем «эмоциональный отклик на нестандартные раздражители в урбанистической среде».

Костя закрывает лицо ладонями.

- О боже. И они... поверили?

- Более того, - продолжаю я, чувствуя, как эта история с каждым словом становится все эпичнее, - они проявили живой интерес. Госпожа Кобаяши спросила, будет ли наш «юный эксперт» участвовать дальше. Придется.

- Не буду, - вдруг заявляет Юля, отодвигая тарелку с пюре.

- Что не будешь? – переспрашиваю я с настороженностью.

- Участвовать. Пока не доем пюре. Оно должно полежать и подумать. Сейчас оно слишком горячее и глупое.

Костя смотрит на нее, как на инопланетянина, потом на меня.

- Она всегда так... мыслит?

- Ты еще не слышал про стратегический песок, который стережет бульдозер, - мрачно говорю я. – Так вот, Костя. Задача. Нужно срочно создать для японцев отчет. Фото, короткое видео. Что-то, что подтвердит наш «передовой подход». Идеально – чтобы Юля была в кадре где-то на стройплощадке или в офисе, но без дискотек. Смотрит в камеру и говорит что-то умное про... эргономику или экологичность.

Костя выглядит так, будто я попросил его построить дом из печенья.

- Марк Аркадьевич... А что она может сказать про экологичность? Ей семь лет!

- Семь с половиной! – поправляет Юля, наконец-то разрезав котлету пополам, и одну половинку она отодвигает в сторону. – Это – про запас.

- Видишь? – говорю я Косте. – У нее уже стратегическое мышление. Запасная котлета. Это и есть разумное потребление.

Юля, доев свою половину котлеты, внимательно слушала наш разговор. Вдруг она обращается к Косте:

- А ты считаешь стены. А краны тоже считаешь?

- Краны? Башенные? – переспрашивает Костя, сбитый с толку.

- Ну да. А то на стройке один кран стоит, а другой лежит. Тот, что лежит – он сломался? Его надо починить? Или он просто устал?

Костя открывает рот, чтобы дать техническое объяснение про монтаж и демонтаж, но я ловлю его взгляд и качаю головой. Не надо.

- Он... отдыхает, - находит выход Костя. – Набирается сил, чтобы потом поднимать тяжелые плиты.

Юля кивает, полностью удовлетворенная таким ответом.

- Правильно. И яблоки надо мыть, и краны должны отдыхать. А ваш борщ честный? – вдруг спрашивает Юля, глядя на мою тарелку.

- Надеюсь, что да. А что?

- А у нас в садике борщ был неправильный. В нем картошка желтая была, а свеклы не было. Это нечестно. Его обманный борщ звать надо.

Костя фыркает, давится компотом и начинает кашлять. Я изо всех сил стараюсь сохранить серьезное лицо.

- Здесь борщ, кажется, честный, - говорю я. – Проверь.

Она протягивает свою ложку ко мне, и я, автоматически, зачерпываю ей немного своего борща. Она пробует, причмокивает.

- Нормальный, - выносит вердикт. – Честный. Картошка белая, свекла есть. Можно есть.

Костя, откашлявшись, смотрит на эту сцену с немым вопросом. Я пожимаю плечами: «Консультант проверяет соответствие».

- Ладно, - вздыхает Костя, сдаваясь под натиском реальности. – Значит, фотосессия. Видео. Нужен сценарий. Марк Аркадьевич, а кто будет с ней... работать? Объяснять, что говорить?

- Ты, - говорю я просто. – У тебя же племянница есть, пяти лет. Опыт общения с неразумной молодежью имеется.

- Она в пять лет уже таблицу умножения учит! А не спрашивает, почему кран лежит! – почти стонет Костя.

В этот момент Юлия замечает на подносе у Кости желе. Ее глаза загораются.

- Ой, а это что? Стеклянное!

- Это желе, - говорит Костя, машинально отодвигая свою тарелку.

- А можно попробовать? Я спрошу у мамы, можно ли мне такое, а она скажет – попробуй, и если понравится, то... - она ловко, одним движением, зачерпывает своей ложкой половину его желе. – Ой, уже попробовала. Вкусно! Спасибо!

Костя смотрит на свою разграбленную порцию желе с таким видом, будто только что стал свидетелем самого дерзкого ограбления века.

- Видишь? – говорю я, вставая, чтобы убрать подносы, мысленно обдумывая промашку ребенка с упоминанием близкого родственника, которого вроде как нет. – Контакт уже налаживается. Она у тебя желе отобрала – значит, ты ей симпатичен. Так что, Костя, с сегодняшнего дня ты отвечаешь за наш... социальный пилотный проект. И за нашего консультанта. Даю тебе время подумать. Через час жду у себя в кабинете.

Я вижу, как по лицу Кости проносится целая гамма чувств: от ужаса до принятия неизбежного. Он смотрит на Юлию, которая теперь с интересом изучает его планшет.

- А это что? Маленький телевизор?

- Нет! Это планшет! Дорогой! – Костя хватается его, как драгоценность.

- Не бойся, я не сломаю. Я аккуратная. Я же бульдозер смогла остановить. Почти.

Костя обреченно смотрит на меня.

- Бульдозер... Ладно. Я все понял. Я в деле. Но, Марк Аркадьевич, мы же все-таки найдем ее родителей? Да?

Я смотрю на Юлию. Она, утолив голод, выглядит спокойной и даже счастливой. Как будто поход в столовую с двумя дядями – лучшее приключение в ее жизни.

- Обязательно найдем, - говорю я твердо.

Но внутри что-то екает. Потому что «найти родителей» - это одно. А «я одна живу» - это совсем другая история, даже при случайном упоминании матери. И, пока эта история сидит напротив и доедает мой хлеб, я за нее в ответе. Хотя и не знаю, что с этим всем делать...

Глава 7. Алиса

Пахнет мокрым асфальтом и безнадеей. Я выхожу из автобуса и плетусь к своему дому. Денег в кармане – ровно на макароны и сосиски. Мысли – одна мутнее другой. Главное сейчас – добраться до комнаты, не встретив никого. Особенно ее. Тамару Аркадьевну. Нашу соседку-вербовщицу в жены для своего ненаглядного Славочки.

Подъезд встречает меня холодной сыростью. Десять ступенек до нашей двери. Я делаю глубокий вдох, как ныряльщик, и лезу в эту воду.

И, конечно, на третьей ступеньке из-за угла, будто чертик из табакерки, выскакивает она. В стеганом синем халате и тапочках в виде медвежат. На лице – маска дежурной приветливости, за которой читается стальная воля снайпера.

- Алисонька! Родная! Я тебя заждалась!

Внутри все обрывается. Спецоперация «Жених» началась.

- Здравствуйте, Тамара Аркадьевна, - бормочу я, пытаюсь проскочить.

Она делает искусный шаг вбок, перекрывая мне путь. Халат развевается, как плащ супергероя.

- Пстой, пстой! Слушай, что у нас сегодня! У Славочки аттестация на работе была! На отлично! Руководство хвалебную бумагу вручило! – она говорит это так, как будто сообщает о присуждении Нобелевской премии. – И пиццу он заказал в честь этого! Двойную, с чем-то там... пестрым!

- Пепперони, - автоматически поправляю я.

- Вот, вот! Умница, все знаешь! Ну, раз знаешь, значит, судьба! Идем, поздравим мужчину, поддержать надо в радости! Он там один, бедолага, с пиццей сидит. А я тебе компоту налью, домашнего!

Это уже не предложение. Это план захвата. Я чувствую, как последние силы утекают в пятки. Говорить «нет» бесполезно. Она будет уговаривать, жаловаться на давление, на одиночество сына, на мою неблагодарность. Нужно оружие массового поражения. Я вспоминаю свою старую, добрую отмазку.

Я делаю самое несчастное лицо, какое только могу изобразить. Вздыхаю так, чтобы слышно было в соседнем подъезде.

- Тамара Аркадьевна... Я бы с радостью. Вы знаете, я вас очень уважаю. Но... не могу, - понижаю голос до доверительного шепота. – У меня же... аллегорическая недостаточность. В стадии обострения.

Она замирает. Медвежонок на ее правом тапке как будто приподнимает бровь.

- Чего-чего недостаточность?

- Аллегорическая, - повторяю я с болью в голосе. – После родов, знаете ли... обострилось. Врачи строго-настрого запретили любые социальные взаимодействия в период рецидива. Особенно... с неженатыми мужчинами. Может, аллегория не туда пойти. Прямо вот кризис идентичности наступает. Я в прошлый раз, после нашей милой беседы про его коллекцию марок, три часа на кухне сидела и думала – а кто я, собственно, такая? И где мои ключи?

Я смотрю на нее с таким видом, будто только что поведала о смертельном диагнозе. В ее глазах мелькает паника. Не медицинская, а бытовая. Она готова бороться с ленью, скромностью или даже другим женихом. Но с «аллегорической недостаточностью» она не знает, как воевать.

- Да... ну... это конечно... - бормочет она. – Но может, просто пиццы кусочек? Без разговоров?

В этот момент дверь ее квартиры со скрипом приоткрывается. На пороге появляется сам виновник торжества. Славик. Ему лет тридцать, на нем спортивные штаны с надписью «BOSS»

и носки с «Hello Kitty». В одной руке – кусок пиццы, в другой – смартфон. Он смотрит на нас, жуя.

- Мам, там доставка воды при... - начинает он и замолкает, увидев меня.

В его глазах я читаю ту же животную тоску, что и в своих. Он такой же заложник этой материнской спецоперации.

- Славочка! Выйди, поздоровайся с Алисой! – командует Тамара Аркадьевна, пытаюсь хоть как-то спасти ситуацию.

Славик делает шаг вперед, неуклюже прячет пиццу за спину, кивает мне и бубнит:

- Прив... Алег... то есть, Алла... Здравсьте.

- Алиса, - поправляю я.

- Ну да, - он с облегчением откусывает от пиццы, прячась за дверной косяк, как за щитом.

- Короче... заходите, если че.

Это «че» звучит как мольба о пощаде. К нему и ко мне сразу.

- Видишь, какой внимательный! – не сдается его мама. – Алис, ну хоть компот! Компот-то тебе можно? От аллегории?

- Спасибо, нет, - говорю я твердо, используя момент ее замешательства. – Мне строгий постельный режим и тишина. Вы же не хотите, чтобы у меня кризис идентичности прямо здесь, в подъезде, начался? А то я еще вашу дверь со своей перепутаю.

Последний аргумент действует безотказно. Тамара Аркадьевна отступает на шаг, открывая мне дорогу.

- Ну, раз по болезни... Выздоровливай, родная. Славочка, закрой дверь, сквозняк!

Я почти бегом преодолеваю оставшиеся ступеньки, вставляю ключ в замок нашей квартиры. За спиной слышу ее приглушенный голос: «Славочка, глянь в интернете, что за недостаточность такая... аллегорическая... Может, витаминками лечится...»

Вваливаюсь в прихожую, закрываю дверь и прислоняюсь к ней спиной. Тишина. Спасена. Сейчас бы добраться до кухни, вскрыть пачку макарон и...

Я слышу голоса. Из кухни. Не громкую музыку, не гогот. Низкий, серьезный гул обсуждения.

- ...в районе стройки «Форпост» днем, это точно. Белокрысы хвостики, розовая кофта, - говорит незнакомый хриплый бас.

- Ладно, пост в паблике района висит уже три часа. Но нам нужна конкретика. Валя, ты уверена, что ее не забрала со двора какая-нибудь бабка? - парирует другой голос, молодой и напряженный.

- Абсолютно! – слышу голос Вали. – Я же говорила, я на пять минут отвернулась! В телефоне была! А она уже на ту стройку бежать собралась, ей там песок стратегический нужен был для крепости!

Осторожно, как партизан, пробираюсь по коридору и заглядываю в кухню.

Картина, которую вижу, сбивает меня с толку больше, чем аллегорическая недостаточность.

Глава 8. Марк

Офис после столовой кажется тихим и пустым. Я завариваю чай – обычный, черный, без всяких «бирюзовых драконов». Юля сидит на диване, поджав ноги, и доедает яблоко, которое я купил ей у входа. Она грызет его методично, как бобр, обводя взглядом мой кабинет. Теперь уже с видом собственника.

- Марк, - говорит она, откусив очередной кусок. – А зачем тебе этот коврик?

Я смотрю на нее, потом на напольный коврик для мыши с логотипом «Сомов-Девелопмент».

- Это... чтобы мышке было удобно.

- У тебя есть мышка? – ее глаза загораются. – Настоящая? Живая? Где она?

- Нет, не живая, - спешу я ее разочаровать. – Компьютерная.

- А, - она кивает, принимая это как должное. – Понятно. Ей тоже нужен свой домик. А то она будет бегать по голому столу и скользить.

Я сажусь напротив нее, на краешек стола.

- Юля, давай поговорим серьезно. Ты говорила, что живешь одна.

Она перестает жевать, смотрит на меня с легким подозрением.

- Ну да. Я же самостоятельная.

- А мама? Ты сейчас в кафе сказала о маме и сосисках. Значит, она есть.

Юля замирает. В ее глазах мелькает что-то сложное: детская хитрость и что-то еще, похожее на растерянность.

- Ну... она есть. Иногда. Но она всегда на работе. Цветы продает. Или моет полы. Или...

- она машет рукой, словно перечисляя бесконечный список. – Она очень устает. Поэтому я ей не мешаю. Я сама.

Это «сама» режет по-особенному. Не с вызовом, а с печальной, привычной констатацией факта. Я сам помню это чувство: взрослеть, когда за тебя некому решать.

- А тетя Валя? Она же с тобой сидит.

- Валя – она классная! – лицо Юли озаряется. – У нее волосы как у... как у сказочной ведьмы, только хорошей. И она дает мне сок иногда. Но она тоже занятая. Она музыку ищет. И друзья к ней приходят, они что-то чинят.

Картина проясняется, но становится только тревожнее. Мама-одиночка, работающая на износ, няня-студентка с «ветром в голове». И девочка, которая уже научилась греть суп и считать себя обузой. До боли понимаю весь ужас.

- А если мама вернется и не найдет тебя? Она же будет волноваться, - говорю я как можно мягче.

Юля пожимает плечами, глядя в пол.

- Она поздно возвращается. Иногда когда я уже сплю. Она подойдет, поправит одеяло... А утром опять уходит. Она скажет: «Юль, ты же большая, ты понимаешь». Я и правда понимаю.

У меня комок в горле. Черт. Черт возьми.

Мой телефон на столе начинает вибрировать. Смотрю – звонок с проходной стройки. Поднимаю трубку.

- Сомов.

- Марк Аркадьевич, это охрана, Валерьевич. У нас тут минут двадцать назад происшествие было. Девочка одна приходила, спрашивала, не видели ли мы тут девочку в розовой кофте.

Я настораживаюсь.

- И?

- Да так, лет двадцати, не больше. Волосы у нее... фиолетовые, что ли. Неформалка. Глаза бешеные. Мы, конечно, насторожились. Спрашиваем: «А ты кто ей?» Говорит: «Я ее... знакомая». А сама дергается. Мы подумали – мало ли что. Может, ребенка с собой хотела куда увести, раз мать не она. Мы ей сказали, что у нас тут порядок, никого постороннего не было, все давно уехали. Она постояла, постояла и убежала.

Ледяная рука сжимает мне горло. Началось. Ищут. И ищет не мать, а какая-то фиолетововолосая знакомая. Значит, мать еще не в курсе. Или... Или это что-то хуже.

- Вы правильно сделали, - говорю я ровным голосом. – Ничего не говорите и больше никого не пускайте. Я уже занимаюсь этим вопросом.

- Так точно, - слышно облегчение в голосе охранника. – Мы так и подумали, что вы уже, наверное, в полицию заявили, раз ребенка у себя держите. Все под контролем.

Я вешаю трубку.

Все под контролем.

Ага. Щас.

Рабочие думают, что я образцовый гражданин, а я тут сижу с диверсантом на диване и веду душевительные беседы вместо того, чтобы звонить 112.

Дверь в кабинет с треском распаивается. На пороге – запыхавшийся Костя. Он держит в руках маленькую экшн-камеру и лист бумаги.

- Марк Аркадьевич! Я придумал! Мы можем снять Юлю не на стройке, а здесь! Мы сделаем... «Детский аудит офисного пространства»! Она будет ходить, трогать мебель, смотреть в окно, а мы за кадром будем задавать наводящие вопросы про свет, про удобство, про... э-э-э... цветовое восприятие! Получится искренне и креативно! Японцы обожают такой неформальный подход!

Он смотрит на меня сияющими глазами, полными энтузиазма. Он уже мысленно монтирует этот шедевр.

- Костя, - прерываю я его. – Есть проблема. Девочку уже ищут.

- Отлично! – не понимая, радуется он. – Значит, скоро за ней придут, и мы...

- Ее ищет не мама. Ее ищет какая-то девица с фиолетовыми волосами. Охрана ее прогнала. Мама, судя по всему, до сих пор не в курсе, что дочь пропала.

Костя замирает. Его энтузиазм сдувается, как проколотый шарик.

- Ох... Это... это плохо.

- Да, - сухо соглашаюсь я. – Поэтому твоя гениальная идея с видео – это теперь не креатив, а срочная необходимость. Нам нужно быстро, за час, получить хоть какой-то материал. Потому что сразу после этого я звоню в полицию и официально сообщаю о найденном ребенке. Пока ко мне не пришли с вопросами, почему я этого не сделал четыре часа назад.

Юля, которая слушала весь наш разговор, тихо спрашивает:

- Марк, а что такое «официально сообщить»?

Я смотрю на нее. На ее серьезное личико.

- Это значит, что тебя отведут в специальное место, где помогут найти маму.

- А ты меня отведишь?

В ее голосе – ни капли страха. Только любопытство. И почему-то это резануло сильнее всего.

- Нет, Юля. Отведут другие дяди и тети. В форме.

- А ты потом придешь?

Я запинаясь. Черт побери. Почему она задает такие вопросы?

- Я... Я не знаю. Наверное, нет.

Она кивает, как будто получила ожидаемый, хоть и неприятный ответ.

- Понятно. Ну ладно. А пока мы будем снимать кино? Про свет?

Костя смотрит на нее, потом на меня, и в его глазах читается немой вопрос: «Босс, что мы делаем?»

А я и сам не знаю. Я знаю только одно: время истекло. Фиолетоволосая девочка – это только первый звоночек. Дальше будет мама. Дальше может быть все что угодно. Нужно быстро создать алиби в виде «креативного социального проекта», сдать ребенка государству и выдохнуть. Это единственный правильный, законный и разумный путь.

Так почему же глядя на ее спокойные, доверчивые глаза, я чувствую себя последним сволочным подлецом, который собирается сдать в полицию не диверсанта, а... союзника?

- Да, Юля, - говорю я, и голос звучит чужим. – Сейчас будем снимать кино. Костя, начинай. У нас есть час. Не больше.

Глава 9. Марк

Идея Кости, если отбросить панику и чувство надвигающейся катастрофы, была на самом деле неплохой. «Детский аудит». Звучало солидно. Проблема была в том, что наш главный аудитор подходил к процессу с ответственностью сапера и логикой инопланетянина.

- Итак, Юля, - начал Костя, устанавливая камеру на штатив, и делая это так серьезно, будто он оператор на «Мосфильме». – Ты просто ходишь по офису, смотришь на вещи и говоришь, что чувствуешь. Что тебе нравится, что не нравится. Понятно?

- Понятно, - кивнула Юля, поправляя свои хвостики.

Она встала в центре комнаты, приняв торжественную позу.

- Я готова.

После команды Кости «начали» Юля подошла к полкам. Взяла в руки кусок декоративного камня «под сланец».

- Это что? – спросила она в камеру.

- Это... натуральный сланец, - выдавил я из-за кадра.

- Он холодный, - констатировала она и лизнула камень.

- Юля! Не надо лизать образцы!

- Но как еще узнать, какой он на вкус? – искренне удивилась она. – Вдруг он соленый? Тогда в ванной ремонт из него делать нельзя, все время солиться будешь.

Костя закашлял, пытаясь подавить хохот. Я закрыл лицо ладонью.

- Он не для вкуса, он для вида, - прошипел я.

- Странно, - пожала плечами Юля и поставила камень на место, чтобы потом взять образец штукатурки «венецианская». – А это что? Замаска?

- Это декоративная штукатурка! Очень дорогая! – не выдержал Костя.

- О, - сказала Юля и ткнула в нее пальцем, чем оставила аккуратную дырочку. – Мягкая. Как тесто. Из нее, наверное, пирожки лепить можно.

AAAAAAAAAAAAAAAAAAAA!

- А теперь сядь в кресло, - проинструктировал Костя. – И скажи, удобно ли в нем сидеть.
 Юля забралась в мое кожаное кресло за столом. Она утонула в нем полностью. Видны были только два хвостика над высоко расположенной столешницей.

- Неудобно, - раздался ее голос.

- Почему? – спросил я, уже предчувствуя неладное.

- Потому что я ногами до пола не достаю. И тут пахнет старым диваном. А еще... - она начала крутиться, вращая кресло. – А еще оно вертится! Вау! – после третьего витка ее лицо стало зеленым. – Ой. Теперь тошнит. Это очень неудобно.

Костя вырубил камеру и вышел «подышать». Я думал, у меня лопнет что-то внутри от смеха и отчаяния одновременно.

- Теперь подойди к окну и скажи, какой вид и что бы ты тут изменила, - сказал я, надеясь на что-то вменяемое.

Юля прильнула к стеклу.

- Вид... вид как вид. Трубы, крыши, машины. Скучно.

- А что бы вы добавили, чтобы было не скучно? – подсказал Костя, уже научившийся задавать наводящие вопросы.

Юля задумалась.

- Горку. Огромную, с виражами, прямо с этого этажа вниз, до земли. И батут на крыше соседнего ангара. Чтобы если с горки перелетел, то на батуте приземлился. А еще... гигантские качели между трубами. И чтобы все ходили на ходулях. Или на одном большом самокате на всех.

Костя смотрел на нее с восхищенным ужасом, быстро что-то записывая в блокнот. «Горка с 3-го этажа. Батут. Ходули. Самокат на всех». Похоже на техзадание для сумасшедшего архитектора.

Мы уже выдохлись. Оставалось пять минут до моего звонка в полицию. Я решил дать ей последнее слово.

- Юля, скажи что-нибудь в камеру для... для людей, которые строят дома. Что самое главное?

Она подошла к самой камере, так что в объективе было только ее серьезное лицо с размазанным мазутом на щеке.

- Самое главное... - начала она, нахмутив бровки. – Чтобы в домах были тайные ходы. В каждой квартире. Чтобы можно было к другу в гости пройти, не выходя на улицу. И чтобы под окном у каждого была маленькая кормушка для птиц, а на балконе – домик для ежика. А еще... чтобы в подъезде пахло не табаком, а... мандаринами и елкой. Всегда. Потому что это самый праздничный запах.

Она помолчала, а потом добавила уже не в камеру, а как будто сама себе:

- И чтобы мамы приходили пораньше. Это самое главное.

В кабинете повисла тишина. Даже Костя перестал что-то записывать. Эта детская, абсурдная утопия с тайными ходами и вечным запахом мандаринов вдруг показалась самым гениальным и самым несбыточным проектом из всех, что я когда-либо держал в руках.

- Все, - хрипло сказал я. – Материала достаточно. Костя, займись монтажом. Вырежи только... про лизание камня и про горку с третьего этажа.

Я взял телефон. Мои пальцы набрали «1...1...2». Оставалось нажать зеленую кнопку.

Юля слезла со стула и подошла ко мне. Она не плакала. Она просто смотрела на телефон, а потом на меня.

- Марк, - тихо сказала она. – А можно я перед уходом в полицию... еще раз на диван заберусь? Там, где я мышкой была? Там очень удобно.

Вот почему я не люблю детей. Они не дают тебе просто сделать то, что нужно. Они вставляют в твой четкий план такие вот дурацкие, нелепые паузы, от которых сердце сжимается в комок.

- Ладно, - сдался я. – Пять минут. Потом... потом все по закону.

Она улыбнулась – впервые за весь этот сумасшедший день просто, по-детски, - и побежала к дивану. А я опустил руку с телефоном. Еще пять минут. Всего пять минут. Потом я сделаю то, что должен.

А Костя уже склонился над ноутбуком, и на его экране прыгало розовое пятнышко в моем черно-белом кабинете. Розовое пятнышко, которое облизало сланец, раскритиковало мое кресло и потребовало тайных ходов в каждом доме.

И почему-то мне показалось, что японец Танака это оценит.

Глава 10. Марк

Итак, пять минут истекли. Юля лежала на диване, изобразив спящую мышь, потом встала, отряхнулась и посмотрела на меня с тихим ожиданием. Она приняла свое. Теперь я должен был принять свое.

Я нажал на зеленую кнопку. В трубке запищали гудки.

- Дежурная часть, - ответил сонный женский голос.

Звучало так, будто я разбудил ее среди ночи, хотя на часах был лишь четвертый час.

- Здравствуйте. Я хотел бы сообщить о найденном ребенке, - начал я по-деловому.

- Потерялся? Возраст? Приметы? – голос стал чуть живее, послышался стук клавиатуры.

- Девочка, семь лет. Русые хвостики, розовая кофта с единорогом, сапоги... в виде лягушек. Найдена днем на стройплощадке в районе промзоны.

- Адрес вашего местонахождения? – сухо спросил голос.

Я назвал адрес офиса.

- Хорошо. Оформим заявление. Приезжайте к нам с ребенком и документами.

Я поморгал.

- Простите, я не совсем понял. Вы... не приедете?

- Нет, - ответил голос, в котором явственно проступила раздраженная усталость. – У нас нет такси, чтобы на каждый чих выезжать. Тем более ребенок при вас, не на улице же он. Потеряшки, не являющиеся малолетними, в удовлетворительном состоянии, доставляются законным представителем или нашедшим в ближайшее отделение для оформления. Это стандартная процедура.

Во мне закипело возмущение. Я представлял себе иначе: мигалки, серьезные люди в форме, быстрая передача ответственности. А не вот это: «приезжайте сами».

- Но я... я не законный представитель! Я просто нашедший! Я не могу ее просто так... возить!

- Можете, - парировал диспетчер. – Вы же ее не похитили? Нашли. Теперь несете ответственность до передачи государственным органам. Так что собирайтесь и приезжайте. Или вызовите такси, если нет машины. У нас свободных машин нет.

Я почувствовал, как у меня поднимается давление.

- Послушайте, это же абсурд! Я должен работать! У меня деловая встреча была, я...

- У всех есть дела, гражданин, - голос стал ледяным. – Ребенок ваш? Нет. Нашли вы его? Да. Значит, ваша гражданская обязанность – доставить. Адрес ближайшего отделения вам продиктовать?

Я сжал телефон так, что треснул пластиковый корпус.

- Давайте, - проскрипел я.

Она продиктовала адрес. Это было то самое отделение в двух кварталах, которое Костя упоминал еще до съемок Юли. Я бросил трубку на стол.

- Что, не едут? – догадался Костя, наблюдавший за мной с сочувствием.

- Нет, - процедил я. – Гражданская обязанность. Надо везти самому. Как посылку на почту.

Юля, которая с интересом слушала разговор, вдруг оживилась.

- Мы поедем на машине? Мимо «Радуги»?

- Какой «Радуги»? – спросил я, все еще кипя.

- Ну, такого большого магазина, где внутри целый город для детей! С горками и бассейнами из шариков! Мы с мамой каждый раз мимо проходим, она говорит – в другой раз, Юль. А другого раза все нет и нет.

Она сказала это без обиды, просто как констатацию факта. Но от этого «все нет и нет» у меня снова екнуло внутри. Я посмотрел на Костю. Он смотрел на меня. В его глазах зажглась та самая, пиковая искра.

- Марк Аркадьевич, - сказал он, понизив голос до конспиративного шепота. – А ведь это гениально.

- Что гениально? Тащить ребенка в полицию через весь район?

- Нет! «Радуга»! Там же огромная детская зона! Настоящая! Это же готовые декорации для нашего видео! Мы можем снять там Юлю! Будет выглядеть, будто мы снимали на нашей же детской площадке в «Форпосте»! Только еще лучше, потому что там все новое и яркое! И это будет не постановка, а натуральные эмоции! Японцы с ума сойдут!

Я уставился на него. Он был серьезен. Он видел в этой аванюре не проблему, а креативную возможность. И, черт побери, он был прав. Видео в офисе вышло сюрреалистичным, но статичным. А тут... живые кадры. Настоящий детский восторг.

Я посмотрел на Юлю. Она смотрела на меня так, словно я решал судьбу вселенной. Не ее судьбу – просто поход в детский городок.

Идея была безумной. Совсем безумной. Вместо того чтобы быстрее сбавить ребенка государству, я собирался тащить ее в развлекательный центр, чтобы снять миниклип для японцев. Но в этом был какой-то... извращенный смысл. Символический жест. Перед тем как отдать ее в руки системы, дать ей час чистой, бездумной радости. И заодно – получить нужный контент.

Я тяжело вздохнул. Сегодня я уже нарушил кучу своих правил. Какое еще одно?

- Ладно, - сказал я. – Едем. Но по жесткому регламенту. Один час. Ровно. Потом – прямиком в отделение. И ни секундой больше. Понятно?

Юля не стала ждать второго приглашения. Она подпрыгнула на месте, ее сапоги-лягушки шлепнули по бетонному полу.

- Ура-а-а! Я поеду в «Радугу»!

А Костя уже хватался за камеру и штатив, его лицо сияло.

- Я возьму еще GoPro! Снимем с первого кадра! «Взгляд ребенка на игровую среду»! Это будет революционно!

Я смотрел, как они оба, ребенок и взрослый ребенок, носятся по кабинету в предвкушении «приключения». А я стоял посередине, чувствуя себя не то режиссером, не то авантюристом, не то последним идиотом, который заигрался в ответственность.

В голове пронеслись слова диспетчера: «Гражданская обязанность». Ну что ж. Раз уж обязан, так обязан по полной. С видеосъемкой и посещением детского городка.

- Поехали, - сказал я, беря ключи от машины. – Но если кто-то из вас хоть слово скажет про бульдозер или дискотеку, мы разворачиваемся и едем прямиком в полицию. Без «Радуги». Взяли в толк?

Они оба закивали с одинаково серьезными лицами.

- Взяли, - хором сказали «юный консультант» и «креативный директор».

Я не поверил ни одному из них.

Глава 11. Марк

«Радуга» встретила нас оглушительным визгом, техно-музыкой из динамиков и запахом – смесью пота, носков и сладкой ваты. Детский городок представлял собой многоуровневое сооружение из разноцветных сеток, туннелей, горок и бассейнов с шариками. Это был не город. Это был инопланетный корабль, захваченный ордой маленьких, кричащих существ.

Юля замерла на пороге, ее глаза стали размером с блюдца. Она молча схватила меня за руку и указала пальцем в самую гущу хаоса.

- Все. Я туда.

Костя, уже с камерой на груди и GoPro в руке, выглядел как ребенок в магазине игрушек.

- Идеальные локации! Марк Аркадьевич, я пойду снимать общие планы! – и он растворился в толпе родителей, с тоской ожидающих у выхода.

Я купил билеты. Оказалось, что для «сопровождающего взрослого» тоже нужен, и это стоило как полноценный ужин. Нам выдали одноразовые носки. Пришлось отвлекать Юлю от штурма городка. Спасибо администраторам, что задержали нападающего. Юля натянула свои носки быстро. Я же, кряхтя, попытался втиснуть в липкую ткань свой сорок второй размер. Выглядело это как две сосиски, завернутые в салфетку.

Мы вошли внутрь. Юля метнулась к самой высокой спиральной горке. Я, как надежный тыл, остался внизу, у выхода из нее, чтобы снять ее «триумфальный спуск» на телефон (Костя где-то снимал «атмосферу»).

Я ждал. Минуту. Две. С горки с визгом неслись другие дети. Юли не было. В голове, как вспышка, мелькнуло: «Она же могла пойти в другую горку». Я, забыв про достоинство, полез наверх по узкой, липкой лестнице, предназначенной для семилеток. Полз на четвереньках, спасая свои носки от полного уничтожения. Наверху – пусто. Только мальчик лет пяти, который, увидев меня, расплакался. Я отполз обратно.

Нашел Костю. Он, присев в позе фотографа-натуралиста, снимал, как малышня копошится в шариках.

- Костя! Где Юля?

- А? – он оторвался от видеоискателя. – Не видел. Вон, кажется, в тот туннель заползла, что ведет в «космическую базу».

Туннель был диаметром с мое бедро. Я посмотрел на него, потом на свои плечи. Нет. Я послал Костю. Он, будучи subtilнее, прополз внутрь. Через минуту из туннеля донесся его приглушенный крик:

- Марк Аркадьевич! Я застрял!

Пришлось брать «штурмом» другой вход в «базу». Сгибаясь в три погибели, пробрался внутрь пластикового купола, где Костя, красный от усилий, застрял, пытаясь развернуться. Мы освободили его, но Юли там не было.

Мы бродили по этому разноцветному аду, как два потерянных спецназовца. Я звал:

- Юля!

Ко мне подбегали другие дети. Костя пытался опрашивать малышню:

- Девочку в розовом не видели?

Ему показывали пальцем куда-то в потолок.

Наконец, мы услышали знакомый, ликующий крик. Юля мчалась с самой крутой, почти вертикальной горки. Ее хвостики летели назад. Лицо было искажено блаженным ужасом. Идеальный кадр!

- Костя, снимай! – заорал я на весь городок.

Костя бросился вперед, наступил на пластмассовый шарик, поскользнулся и, размахивая камерой, как гранатой, грохнулся в бассейн с маленькими шариками. Исчез с головой. На

поверхности остались только очки Кости, плавающие, как два испуганных кораблика. Я уже хотел бросаться на помощь, как он вынырнул, выплюнув синий шарик, с камерой, торчащей из кучи разноцветного пластика, как перископ подлодки. Юля, съехав, увидела это и захохотала так, что привлекла внимание всей округи.

Пока Костя выбирался, я, окрыленный находкой, решил сам запечатлеть «взгляд снизу». Я прилег на мостик у горки, нацелив телефон. В этот момент с горки, визжа, скатился упитанный мальчуган и врезался мне прямо в бок. Телефон вылетел из рук и поехал вниз по горке, опережая своего владельца.

Я, не помня себя, рванул за ним. Спуск был быстрым и унижительным. Я приземлился внизу, набрав полные штаны тех самых шариков, и нашел свой телефон, мирно лежащий у ног строгой женщины в форме и с бейджиком «Администратор Светлана».

- Взрослым запрещено скатываться с горок! – провозгласила она, сверкнув на меня очками. – Это опасно для детей и для вас самих! Вы что, правила не читали?

Я, выбираясь из шариков, пытался что-то объяснить про «креативный контент» и «социальный проект», но звучало это, даже на мой взгляд, как бред сумасшедшего.

В итоге, когда мы, наконец, собрали всю нашу экспедицию в одном месте – я мокрый от пота и унижения, Костя – весь в мелком пластиковом статическом заряде, от которого его волосы торчали дыбом, и Юля – сияющая и довольная, - на часах оказалось, что прошло почти ТРИ часа.

Мы сидели на скамейке для родителей. Я чувствовал себя так, будто пробежал марафон по минному полю. Хотелось есть до степени звериного остервенения. Костя молча вытряхивал шарики из закатанных рукавов рубашки. Юля, прислонившись ко мне, сонно смотрела на мельтешащих детей.

- Марк, - тихо сказала она. – Я хочу есть. И пить.

Я посмотрел на нее. На ее запачканное, счастливое лицо. На Костю, который, несмотря ни на что, бережно проверял отснятый материал на камере и кивал с одобрением. Вспомнил строгого диспетчера, полицию, гражданский долг. Все это было где-то там, за пределами этого шумного, пахнущего картошкой фри и детством, центра.

Черт с ним. С долгом. С расписанием. С японцами.

- Все, - сказал я, поднимаясь.

Голова кружилась от усталости и голода.

- Идем есть. Прямо здесь. Бургеры. Картошка. Кола. Все, что хотите. Потом... потом посмотрим.

Юля просияла. Костя оживился:

- А можно снять, как она ест? Это же будет отличный кадр для финала! «После плодотворного аудита...»!

- Костя, - прервал я его. – Если ты сейчас достанешь камеру, я брошу тебя в тот бассейн с шариками уже навсегда. Сначала – есть. Потом - думать.

И мы потащились в фаст-фуд, три уставших, грязных, но почему-то невероятно довольных человека. Я вел за руку семилетнюю диверсантку, а мой помощник нес камеру с драгоценными кадрами, ради которых мы все прошли через пластиковый ад.

А полиция подождет. Еще час. Максимум.

Глава 12. Марк

Кафе в «Радуге» было громким, ярким и пахло жареным. Мы завалились за столик в углу, будто после долгого и опасного похода. Я заказал три набора: бургер, картошка, кола. Для Юли – сок. Сидеть было больно – все тело ныло от непривычной активности, а в ушах все еще стоял звон от детских визгов.

Еда пришла быстро. Вид у нее был сомнительный, но в тот момент пахла она, как амброзия. Мы ели молча, сконцентрировавшись на процессе. Юля пыталась ухватить свой бургер обеими руками, но он был почти с ее голову. Она уткнулась в него лицом, и через минуту у нее на носу и щеках появились следы соуса.

- Марк, - сказала она, глядя на свой бургер с философским видом. – А почему он круглый?

- Что круглый? – спросил я, откусывая от своего.

- Бургер. И булка круглая, и котлета круглая. А картошка – палочки. Несправедливо.

Костя, уже наполовину оживший после картошки фри, фыркнул.

- Это такая форма, Юль. Эстетика.

- Это не эст... эстетика, - она с трудом выговорила слово. – Это обман. В круглом бургере середина всегда самая вкусная, а края – сухие. А в палочках картошки все кусочки одинаковые. Значит, картошка честнее бургера.

Я перестал жевать, глядя на нее. Логика семилетнего философа-гурмана снова сразила наповал. Костя задумчиво покрутил в руках свою картошку.

- Знаешь, ты права. Это же фактически проблема равномерного распределения вкуса в гетерогенной пищевой структуре.

Юля посмотрела на него, не понимая ни слова, но кивнула – просто потому, что он согласился.

- Я б еще добавила сюда огурцов, - продолжила она свои кулинарные изыскания. – Зеленых и хрустящих. Чтобы был хруст. А то тут все мягкое: и булка мягкая, и котлета мягкая. Как будто жуешь теплое одеяло.

Я почувствовал, как углы губ сами собой тянутся вверх. Еще несколько часов назад я орал на нее на стройке. А сейчас мы сидим и обсуждаем недостатки фаст-фуда.

- Юля, - спросил Костя, обмакивая картошку в кетчуп. – А что ты больше всего любишь делать?

Она, наконец, оторвалась от бургера, задумалась.

- Строить крепости. Из чего угодно. Из подушек, из стульев, из песка. Прятаться в них. А еще... смотреть, как мама составляет букеты. У нее руки становятся волшебными. Она смотрит на цветы, и они ее слушаются.

Она сказала это так просто, с такой теплой гордостью, что мне стало неловко от своих утренних мыслей о «безответственной матери». Я перевел взгляд на Костю. Он слушал ее, не отрываясь, и в его глазах не было привычной озабоченности или иронии. Было... уважение.

- Крепости – это серьезно, - кивнул Костя. – Это архитектура в чистом виде. Защита, приватность, чувство безопасности. Базовые потребности человека.

- Я не знаю таких слов, - честно сказала Юля. – Но в крепости хорошо. Тихо. И никто не кричит.

В ее последних словах снова мелькнула тень чего-то взрослого и печального. Но она тут же стряхнула ее, увидев на моей картошке соль.

- Ой, а можно мне немного твоей соли? У меня мало.

Я передал ей картонную солонку. Она с серьезным видом посыпала свою картошку, затем пакетик к кетчупу, потом попробовала посыпать сок, но я вовремя остановил.

- Костя, - сказала я, глядя на то, как он уже не боится, что она что-нибудь прольет на его ноутбук (который он, конечно, достал, чтобы посмотреть отснятый материал). – Ты, кажется, нашел общий язык с нашим консультантом.

Он улыбнулся, немного смущенно.

- Она... нестандартно мыслит. Ломает шаблоны. Для креатива это полезно.

- Я не ломаю! – возмутилась Юля. – Я аккуратная! Я вот только горку сломала?

Мы с Костей переглянулись и засмеялись.

И тут я осмотрелся. Вокруг нас сидели семьи. Мамы, папы, дети. Или группы подростков. А у нашего столика – два взрослых, не самых молодых и не самых дружелюбно выглядящих мужчины. Я – в помятой рубашке и со следами шариков на брюках, Костя – с торчащими статическим электричеством волосами, и маленькая девочка, перепачканная в кетчупе и соусе.

И абсолютно никому вокруг не было до нас дела. Никто не смотрел с подозрением. Никто не спрашивал: «А вы кто ей?» Никто не вызывал охрану. Мир поглощал свои бургеры, листал ленты в телефонах и был совершенно слеп к этой странной троице. Это было одновременно и облегчением, и... какой-то щемящей несправедливостью. В голове пронеслись заголовки: «Мужчины несколько часов развлекались с чужим ребенком в ТЦ». Но реальность была куда прозаичнее и нелепее.

- Знаешь, что самое смешное? – тихо сказал я Косте. - Мы вот уже почти восемь часов как нашли ее. Водим по офисам, столовым, детским городкам, кормим фаст-фудом. И за все это время только одна фиолетоволосая девочка попыталась ее искать. И охрана ее прогнала. Больше – тишина. Как будто она... никому не нужна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.